

В. БУРЕНИН

Критические очерки. Новые плоды декадентства

I

Господа декаденты обижаются на критику за то, что она объявляет их или сумасшедшими графоманами, или шутами, намеренно ломающимися и кривляющимися в своих произведениях, намеренно хвастающимися невероятной бессмыслицей своих стихов и прозы. Но обижаться господам декадентам, право, кажется, не подобает: чем дальше и больше развивается декадентская литература, тем сильнее и нагляднее она убеждает критику в том мнении, которое считают обидным для себя деятели этой особой литературы. И старшие богатыри декадентства, и младшие как будто наперерыв друг перед другом стараются о том, чтобы выказать в наибольшем блеске, в самой соблазнительной ясности свое сумасшествие, свое идиотство, искреннее и подлинное или деланное и шутовское — все равно, но сумасшествие и идиотство несомненное, требующее прямого и определенного признания как от разумных читателей, так и от разумной критики. Правда, таланты и гении декадентской литературы желают, чтобы их судили и превозносили не разумные читатели и разумная критика, а, наоборот, читатели и критика сумасшедшие. И справедливость заставляет сказать, что в наше время развелось довольно много именно таких читателей, что и критика в этом роде не представляет редкости, а, кажется, становится явлением почти заурядным¹. На этих читателей и на эту критику в новейшем роде господа декаденты, очевидно, и рассчитывают, для них они и стараются, для них и издают целые «книги» своих стихов и прозы, в которых ходят вверх ногами, упражняются в непристойных телодвижениях

и жестах, дико гогочут, пронзительно визжат, бормочут бессмысленные и порою гнусные речи, словом, проделывают все то, что свойственно проделывать несчастным, пораженным психическим недугом на самом деле, или симуляторами этого недуга. Завелись даже, так сказать, специальные литературно-психиатрические приюты для господ декадентов: это книгоиздательства «Гриф» и «Скорпион». Приюты эти по внешности довольно приличные: палаты для тихих и буйных рифмоплетов и прозаиков чистые, в новом стиле, с разными приспособлениями, направленными к тому, чтобы проделки сумасшедших, очень часто непристойные и неряшливые, по крайней мере хоть по внешности (бумага, печать, обложки, формат книг) казались приличными. Впрочем, и в этом отношении форма нередко соответствует содержанию: виньетки и заставки, например, иногда представляют просто чернильные кляксы, выдаваемые за глубокие «символические» изображения, и т. д.

II

Перед нами два новых психиатрических приюта, изготовленные книгоиздательством «Гриф» для двух декадентов: стихотворца и прозаика. Я не буду называть имена первого и второго, так как вовсе не желаю предавать на посмеяние или на сожаление читателям их имена. Скажу только, что стихотворец принадлежит к разряду младших богатырей декадентства, а прозаик, кажется, к числу старших, и по годам человек уже зрелых лет, который мог бы давно «перебеситься» и оставить декадентские дурачества; но он не только не оставляет их, а погружается в них все глубже и глубже. Займемся сначала стихотворцем. Что вы скажете о таких, например, стихах:

Вечность бросила в город
 Оловянный закат.
 Край небесный распорот.
 Переулки гудят.
 Все бессилье гаданья
 У меня на плечах.
 В окнах фабрик — преданья
 О разгульных ночах.
 Оловянные кровли —
 Всем безумным приют.
 В этот город торговли
 Небеса не сойдут.
 Этот воздух так гулок,
 Так заманчив обман.

Уводя переулоч
В дымно-сизый туман².

Что это набор слов, рифмованная бессмыслица, конечно, не может быть сомнения. Можно сомневаться только вот в чем: принадлежит ли автор этой рифмованной бессмыслицы в самом деле к числу тех «безумных», которых он помещает на каких-то «оловянных кровлях», или он только дурачится, ломается, глумится над сочинительством стихов, бросает нарочно в лицо читателям рифмованную чепуху, желая хоть этим обратить на себя внимание, так как другим чем-нибудь он не может. Не знаю как кто, а я склонен думать, что это искренняя белиберда бедного графомана, одержимого стремлением к сочинению стихов в новом стиле. Намеренные ломаки и кривляки декадентства, вроде г.г. Бальмонта или Брюсова, конечно, сочиняют не менее бессмысленные вирши, но в их деланном бессмысленном виршеплетстве всегда замечается наглость шутовства и нет такой наивности и чепухи:

По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.
Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.
Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полосы вечерних фонарей, —
Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.
Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе³.

В первой, приведенной мною, пьесе еще можно было бы объяснить бессмысленный набор тем, что несчастному стихотворцу совершенно не по силам борьба с рифмами, не он рифмами управляет, а они им. К первым рифмам, какие ему приходят в голову, он прилаживает тоже первые приходящие ему в голову бессмысленные фразы. Но вот во второй пьесе он уже не стеснен рифмами, он пишет даже почти без размера и все-таки выходит чепуха невольная, искренняя. А заключительная фраза о человечке, плачущем во дворе? Все это почти то же, что знаменитое внезапное восклицание Поприщина о шишке под носом у алжирского бей⁴. Бедный, свихнувшийся графоман! Как знать, может быть, ведь еще совсем молодой человек и в таких ранних годах поражен роковым недугом. Жалко, очень жалко. А кто виноват? Разумеется, виноваты изношенные и уже зрелые, но тем более наглые кривляки и ломаки декадентства, которые из желания обратить на себя внимание подали

первые примеры введения в область поэзии заведомой бессмыслицы, сумасшедшего бреда. Ах, г.г. Бальмонты и Брюсовы! Пора бы вам вспомнить евангельское изречение о соблазнительях «малых сих». Право, и вам бы следовало лучше нацепить себе на шею жернов и броситься в пучину морскую, чем сочинять фальшивые вздоры, прельщающие легкостью и глупостью работы ваших юных сотоварищей. <...>

Однако, читатель, как там ни шути, а, право, ведь не до шуток критике, когда она встречается с образцами литературы вроде той, какую обретаем в двух новых декадентских «книгах». Куда же мы идем и до чего мы дойдем по пути болезненного безумия и намеренного декадентского пустословия и идиотизма? <...>

